

Н. К. Гудзий: творчество Фета и творчество Толстого в одинаковой мере питались утробным чувством жизни, близостью к *почве*. В отношениях к поэзии для Толстого характерно отсутствие чутья поэтической формы. «Записки охотника» давали Толстому повод отметить известную отсталость в изображении крестьянского быта. Мысль о подчинении эстетических оценок моральным (которую Н. Н. Апостолов определяет как «аскетическую теорию искусства») докладчик склонен отстаивать.⁹⁵

Завершая публикацию материалов, отражающих многолетнюю и разнообразную по темам и жанрам работу Гудзия в ГАХН, необходимо сказать, что этот период в его научной биографии, а именно 1922–1929 годы, представляется, несомненно, этапным, до некоторой степени определившим дальнейшие перспективы развития, эволюции исследовательского метода ученого, подходов и принципов архивно-публикаторской работы и обозначившим многие ее центральные темы и главных героев. Это отнюдь не означает, что мы склонны абсолютизировать роль ГАХН в судьбе Гудзия. К 1922 году, когда ему исполнилось 35 лет, за его плечами уже был значительный педагогический опыт, одна монография и три десятка статей, публикаций и рецензий, посвященных, главным образом, истории славянских литератур XI–XVII веков (в том числе сочинений религиозного и апокрифического характера), а также творчеству Лермонтова, Пушкина, Гоголя и Тургенева.

Научный кругозор и тематические предпочтения Гудзия, и до того отличавшиеся исключительной широтой, параллельно с работой в ГАХН, приобрели еще более масштабный характер. «Магистральной» темой научной деятельности именно в эти годы и в следующие за ними десятилетия стало наследие Л. Н. Толстого. Параллельно Гудзием было сделано немало для изучения поэзии Тютчева, русского символизма (и специально — творчества Брюсова), истории филологической науки XIX–XX веков и для разработки многих других проблем, к которым он обращался на протяжении своего более чем полувекового исследовательского пути.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 74. Л. 19–19 об. Машинопись. Аннотация доклада в отчете о деятельности Литературной секции за 1928 год выглядит следующим образом: «Систематизация и оценка богатого материала высказываний Толстого о творчестве русских писателей с конца 18 до начала 20 в.» (Там же. Л. 50а).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-65-84

© А. В. ПИГИН

ДНЕВНИКИ Л. А. ДМИТРИЕВА И Е. А. МАЙМИНА: АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАОНЕЖЬЕ В 1948 ГОДУ

Одним из наиболее крупных и интересных рукописных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ является Карельское собрание, насчитывающее сегодня более 600 единиц хранения. Начало его формирования относится к предвоенному периоду, первые находки были сделаны сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры

(КНИИК) А. Д. Соймоновым и О. Г. Большаковой в ходе фольклорной экспедиции в Пудожский район Карелии летом 1940 года. Вскоре к археографическим поискам подключился В. И. Малышев. Он предпринял поездки в Поморье (сентябрь 1940 года, апрель 1941 года), Пудож и Данилово (район бывшего старообрядческого Выго-Лексинского общежития) (август–сентябрь 1946 года). К концу 1946 года в институте Петрозаводска (с этого года — Институт истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР (ИИЯЛ)) образовалось крупное собрание древнерусских и старообрядческих рукописей — более 300 кодексов и отдельных листов XV–XX веков.¹

Руководство ИИЯЛ планировало и в дальнейшем осуществлять систематическое археографическое обследование Карелии. Особую заинтересованность в этой работе проявлял К. В. Чистов, возглавивший в 1947 году сектор литературы петрозаводского института. В письме от 7 июня 1948 года он писал Малышеву: «Мне все-таки удалось разыскать в смете средства на поездку за рукописями, и мы решили просить тебя от нее не отказываться. <...> Мне очень хотелось бы, чтобы работа, начатая с таким успехом, не заглохла и, больше того, я был бы рад видеть в плане сектора на 1949 г. тему, связанную с изучением местной рукописной традиции».² Однако Малышев в это время уже стал сотрудником ИРЛИ и помышлял о создании будущего знаменитого пушкинодомского Древлехранилища.

Поиск рукописей на территории Карелии с целью пополнения собрания петрозаводского института был продолжен с конца 1940-х годов Львом Александровичем Дмитриевым (1921–1993) — в те годы начинающим ученым, студентом, впоследствии — авторитетным медиевистом, чл.-корр. РАН, сотрудником Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, ближайшим соратником Д. С. Лихачева. По заданию карельского института Дмитриев ездил за рукописями три года подряд: в 1948 и 1949 году — в Заонежье, в 1950-м — в Беломорский район (Кемь, Беломорск и Шуерецкое). Институтское собрание благодаря этим поездкам пополнилось 55 рукописными и старопечатными книгами и отдельными листами. Позднее, в 1959 и 1960 году, состоялись еще две археографические поездки Дмитриева (совместно с А. И. Копаневым) в Карелию (Беломорский, Кемский и Лоухский районы),³ но в это время рукописное собрание находилось уже в ИРЛИ, и общее руководство собирательской работой Древлехранилища осуществлял Малышев. Как известно, собрание было передано из Петрозаводска в Древлехранилище Пушкинского Дома по решению Президиума АН СССР в 1954 году: рукописи составили основу Карельского собрания, а печатные книги вошли в собрание старопечатных книг (оп. 36).

Заонежье, выбранное для экспедиции 1948 года по совету Малышева,⁴ представлялось в конце 1940-х годов в археографическом отношении весьма перспективным регионом. В начале XX века большое число рукописей для

¹ Охранная опись собрания, составленная Малышевым в 1947 году, включает 355 номеров, но в их числе указаны и 43 рукописи, утерянные во время эвакуации в г. Кадников в годы войны (подробнее об истории рукописного собрания петрозаводского института см.: Пигин А. В. Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2022. С. 231–249).

² Там же. С. 240.

³ См.: Дмитриев Л. А., Копанев А. И. 1) Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 531–544; 2) Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 412–419.

⁴ Дмитриев Л. А. Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 287.

Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге собрал в Заонежье В. И. Срезневский, но его «открытие», как справедливо писал позднее Дмитриев, «не привлекло к себе должного внимания»⁵ — систематическая археографическая работа здесь с тех пор не проводилась. Посещавшие Заонежье в разные годы ученые и любители старины, разумеется, приобретали и рукописи, но они оседали, как правило, в частных коллекциях.

Заонежская экспедиция 1948 года стала для Дмитриева первым опытом археографической работы, приобщила его к миру старообрядчества и народной культуры Русского Севера. В эту поездку он отправился вместе со своим близким другом Евгением Александровичем Майминым (1921–1997), ставшим в последующие годы крупным специалистом по русской литературе XIX века, профессором Псковского педагогического института. Летом 1948 года, когда состоялась экспедиция, им обоим было по 26 лет, они учились на третьем курсе филологического факультета Ленинградского университета, куда поступили после войны, которую провели на фронте от первого до последнего ее дня. В экспедицию их отправил профессор Ленинградского университета М. О. Скрипиль, семинар которого по древнерусской литературе они посещали; ряд важных практических советов дали Малышев и Чистов. Последний помог также решить финансовые и организационные вопросы в Петрозаводске, поскольку экспедиция предпринималась на средства местного института для пополнения его рукописного фонда. Экспедиция длилась чуть меньше трех недель: 14–15 июля Дмитриев и Маймин провели в Петрозаводске, 16 июля на пароходе «Володарский» добрались до Великой Губы, в Петрозаводск вернулись 1 августа. За это время они обследовали около 50 деревень Заонежского полуострова (Великая Губа, Космозеро, Великая Нива, Фоймогуба, Толвужа, Падмозеро, Кузаранда и менее крупные поселения рядом с ними), всего было найдено 14 книг: 10 рукописных и 4 старопечатных. Спустя почти полвека Маймин так вспоминал об этой поездке: «Я хорошо помню эту нашу экспедицию, и счастлив, что у меня в жизни это было. Первозданная красота природы Заонежья, памятники старины, бедные, но крепкие люди-староверы, их особенная и высокая культура, их двухэтажные крепко сколоченные избы, их незабываемые бани, самовары, разного рода самодельная утварь — все это помнится мне и никогда не забудется».⁶

Подробности поездки становятся известны благодаря хорошо сохранившимся экспедиционным архивным материалам, публикациям и мемуарам. Среди них — отчет Дмитриева и Маймина для руководства петрозаводского института, опись найденных книг, экспедиционные фотографии,⁷ публикации Дмитриева о заонежской книжности,⁸ воспоминания Маймина и Чистова.⁹

⁵ Дмитриев Л. А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 333.

⁶ Маймин Е. А. Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев. Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995. С. 57.

⁷ Отчет, опись и фотографии (всего 20: церкви, пейзажи, владельцы книг и участники экспедиции) хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100). Более полная подборка фотографий (41) — в фотоальбоме Дмитриева и на диапозитивах (ИРЛИ. Карельское собр. № 606); ценная информация содержится и в подписях Дмитриева к этим фотографиям. Фотографии не опубликованы.

⁸ Дмитриев Л. А. 1) Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР. С. 287–290; 2) Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 330–337.

⁹ Маймин Е. А. 1) Лев Александрович Дмитриев (К 70-летию со дня рождения) // Русская литература. 1991. № 3. С. 193; 2) Лев Александрович Дмитриев // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 7–9; 3) Памяти друга. С. 56–57; Чистов К. В. Одни и те же боги нас посещали, милый друг // Лев Александрович Дмитриев. С. 62–64. Впрочем, в воспоминаниях Чистова содержится ряд неточностей.

Особый интерес представляют публикуемые ниже дневники участников экспедиции.¹⁰ Дневник Дмитриева — написанный карандашом текст на 13 листах, вырванных из блокнота, — хранится в личном архиве Н. Л. Дмитриевой. В нем зафиксированы события лишь первых четырех дней: 14–17 июля. По-видимому, собиратель вел записи «для себя», поскольку в дневнике сообщается среди прочего о событиях, не имеющих прямого отношения к экспедиции («...я написал открытку Тане <сестре. — А. П.>» и др.). Привычка записывать события своей жизни, мысли и переживания в дневнике сформировалась у него еще во время войны.¹¹

Второй дневник вошел в отчетные материалы экспедиции, которые были переданы ее участниками в петрозаводский институт и хранятся сейчас в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Архивное дело включает рукописный оригинал дневника (л. 60–68 об. — школьная тетрадь в линейку петрозаводской типографии) и две его машинописные копии (л. 24–39 — с приклеенными фотографиями; л. 69–84 — без фотографий).¹² Заглавие на обложке тетради написано рукой Дмитриева, текст самого дневника — автограф Маймина. Повествование в дневнике ведется от лица обоих участников экспедиции, но, несомненно, основным его автором является Маймин. События двух дней (16–17 июля) изложены в обоих дневниках: первый сделал свои записи, а второй стал вести более «официальный» экспедиционный дневник, поэтому и начал его со дня отъезда в Великую Губу и писал от имени коллективного «мы». Впрочем, нет сомнений, что в дневник вошли и фрагменты, продиктованные Дмитриевым своему другу — таким образом, это их совместный труд. Идея составления полевого дневника была, вероятно, подсказана молодым ученым кем-то из их консультантов — скорее всего, Малышевым или Чистовым. Несмотря на то, что полевой дневник предназначался для отчета, он не сводится к бесстрастной и сухой констатации фактов, относящихся к «делу»: в нем фиксируются живые впечатления от всего увиденного, от встреч с новыми людьми, пейзажные зарисовки, забавные ситуации, порой прорываются эмоции еще совсем молодых людей, почувствовавших себя первооткрывателями, но при этом относящихся к себе с некоторой самоиронией. Эта свободная непринужденная манера изложения, характерная для обоих дневников, позволяет увидеть в них черты литературных произведений. Как вспоминал позднее Маймин, они были «просто студенты, одетые в поношенные шинели, без карт и не очень знающие, что и как искать, но полные интереса и жажды найти, голодные и неунывающие».¹³ Публикуемые дневники хорошо передают это состояние увлеченности будущих ученых своим делом и желание беззаветно служить науке.

Дневники 1948 года содержат ценный материал для изучения культуры послевоенного Заонежья. Особенно интересны в них образы местных жителей, владельцев книжной старины и сказителей. На пароходе по пути в Великую Губу Дмитриев и Маймин познакомились с Петром Григорьевичем Горшковым — знатоком заонежских былин, сказок и духовных стихов, которые неоднократно были записаны от него в 1920–1940-е годы и частично опубликованы. Горшков обратил на себя внимание молодых ученых своим «патриар-

¹⁰ Благодарю Н. Л. Дмитриеву и Е. Е. Дмитриеву (Маймину) за разрешение опубликовать дневники. Большую помощь в комментировании заонежских реалий в дневниках оказали мне И. И. Набокова, Л. Б. Афонина, Т. А. Мошина и О. В. Захарова, которым также выражаю свою благодарность.

¹¹ См.: Из солдатского дневника Л. А. Дмитриева (1939–1942 гг.) // Лев Александрович Дмитриев. С. 125–132.

¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100.

¹³ Маймин Е. А. Памяти друга. С. 57.

хальным видом», старинной одеждой, особенностями произношения слов — заонежским говором. В 1948 году ему было 72 года, его хорошо знали в петрозаводском институте, направившем Дмитриева и Маймина в экспедицию, он являлся участником съездов и конференций сказителей. Наиболее колоритная фигура, представленная в дневниках, — Иван Михеевич Абрамов — заонежский иконописец и книжник из деревни Космосзеро, у которого была приобретена самая первая рукопись — сборник поморского письма со «Скитским покаянием». В это время он был слепым стариком, но при этом охотно общался с посетителями, фотографировался, делился своими воспоминаниями. Исследователям Заонежья хорошо известны фотографии Абрамова (в том числе с женой А. А. Куницыной, которая упоминается в одном из дневников) и его дома, сделанные в 1942–1943 годах Л. Петтерссоном.¹⁴ В фотоальбоме Дмитриева также имеются фотографии Абрамова с семейством.¹⁵ В своих статьях об экспедиции Дмитриев привел позднее интересные сведения, которые не вошли в дневники: Абрамов был не просто знаком со Срезневским, но собирал для него старинные книги и вещи и посылал их в Петербург.¹⁶ Весьма резкий отзыв оставили Маймин и Дмитриев еще об одном владельце книг — старообрядце из деревни Якорь-Лядина Михаиле Федоровиче Котове: «...гартюфствующий старик 83 лет отроду, лицемер и фанатик, исполненный глубокой веры и странно противоречивый». С ним пришлось долго торговаться о стоимости книг, а в свое «книгохранилище» он так и не пустил. Усилия, впрочем, были потрачены не напрасно: в итоге экспедиция приобрела очень ценные книги, среди них — толковое Евангелие от Матфея (рукопись XVII века) и печатный Требник 1625 года с интересными записями.

Участники экспедиции пытались выполнить рекомендацию, данную им, по всей видимости, Чистовым, — фиксировать тексты, представляющие интерес для фольклористов, а также произведения местного самобытного творчества. В Великой Губе от библиотекаря Ольги Собакиной они получили записи частушек ее собственного сочинения, в деревне Загорье записали стихи Ивана Антиповича Якушева о колхозной жизни. Следует отметить, что в Заонежье и сегодня очень развито самодеятельное литературное творчество; многие жители, преимущественно женщины, сочиняют стихи, сказки, рассказы о жизни в Заонежье, пытаясь воспроизводить на письме особенности местного говора.¹⁷

Конечно, в дневниках запечатлена уже уходящая культура, былые осколки некогда крепкого крестьянского мира. Новые советские порядки 1920–1930-х годов, а потом финская оккупация 1940-х все «нарушили» («теперь все нарушено») в традиционном жизненном укладе и культуре Заонежья. Участникам экспедиции не раз приходилось слышать о гибели древних рукописей, а один из местных жителей убеждал их в том, что книги, которые они собирают, «следует непременно сжигать, поскольку они „не отвечают политике“». Некоторые жители встречали Дмитриева и Маймина с едва скрываемым недоверием и страхом и очень радовались, когда те уходили, и благодарили их за это. И все же в целом заонежане представлены в дневниках, несмотря на их внешнюю суровость, как радушные, гостеприимные и готовые прийти на помощь люди.

¹⁴ Мильчик М. И. Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии. СПб., 2007. С. 102, 152–161.

¹⁵ ИРЛИ. Карельское собр. № 606. Фото 20, 24 и 25.

¹⁶ Дмитриев Л. А. 1) Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР. С. 288; 2) Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 335.

¹⁷ См. сборник таких текстов: Когда поет самовар: Сб. стихов и рассказов / Сост. Л. В. Герасева. СПб., 2022.

Краткая опись привезенных из экспедиции книг была составлена Дмитриевым спустя три дня после ее завершения¹⁸ — не без ошибок в атрибуции и датировках. Предвидя трудности, которые могут возникнуть у начинающих археографов, Чистов еще до их возвращения из экспедиции написал Малышеву: «Дмитриев звонил из Толвуи и хвастал, что нашел Евангелие XIV–XV в. <...> Не поторопился ли он с датировкой? Говорил, что собрал десятка 2 рукописей. В Кижях и вокруг еще не был, а из Великой Губы проехал прямо в Толвую вслед за одним стариком, с которым они разговорились на пароходе. <...> Когда хлопцы вернутся, интересно было бы уточнить их датировки и оценки привезенного. Не смог бы ты позже приехать для этой цели?»¹⁹ Исполнил ли Малышев эту просьбу, сведений нет.

Благодаря экспедиции 1948 года собрание петрозаводского института пополнилось весьма ценными рукописными и печатными книгами. Наиболее ранней из них является рукописное Евангелие-тетр XVI века (см.: Приложение 3. № 2). Рукописный сборник XVIII века (№ 4) включает житие широко почитаемых на Севере Зосимы и Савватия Соловецких, «Тропник» Иннокентия, папы Римского, главы из «Беседословия» Лаврентия Зизания и др. Некоторые рукописи напоминают о тесной связи Заонежья в конце XVII — XIX веке со старообрядческим Выго-Лексинским общежитием: поморским полууставом переписаны сборник XVIII века со «Скитским покаянием» и старообрядческим помянником, включающим упоминание протопопа Аввакума (№ 8), богослужебный сборник XIX века (№ 5) и др. Некоторые книги интересны своими записями (№ 1, 11, 12).

Летом 1949 года Дмитриев вновь отправился в Заонежье в археографическую экспедицию, на этот раз один, и приобрел 20 рукописных и печатных книг и отдельных листов. Опыт заонежских экспедиций и изучение рукописей, привезенных из Заонежья Срезневским, позволили ему в дальнейшем описать некоторые особенности книжной культуры региона. Среди наиболее важных он отметил влияние старообрядческого Выга и большое число, наряду с богослужебными книгами, сборников литературного содержания, включающих жития святых, историко-героические и сказочно-повествовательные произведения, а также оригинальные местные сочинения.²⁰

Маймин в археографических экспедициях участия больше не принимал; ученик Б. М. Эйхенбаума, он посвятил свою научную деятельность русской литературе XIX века. Однако, как уже было сказано, он с большой теплотой вспоминал о поездке 1948 года в своих статьях о Дмитриеве. Но не только в них. В опубликованной не так давно пьесе Маймина «Бунт профессора Аврова», в основу которой легли события 1949 года, связанные с изгнанием из Ленинградского университета Эйхенбаума (прототип Аврова), автор наделил одного из персонажей — ученика профессора Аврова Колю — своими личными чертами. Соотнести этого героя с Майминым позволяет всего несколько деталей, и одна из них — археографическая заонежская экспедиция: «Он только что вернулся из экспедиции, один ездил в Заонежье за старинными рукописями, полон восторга от всего, что увидел, людей, мест».²¹ Поездку в Заонежье Маймин считал, несомненно, одним из главных событий своей юности.

¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 47–59 (автограф Дмитриева; 4 августа 1948 года).

¹⁹ Письмо К. В. Чистова к В. И. Малышеву, 30 июля 1948 года (ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1324. Л. 5 об. — 6).

²⁰ Дмитриев Л. А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 330–337.

²¹ Маймин Е. А. Бунт профессора Аврова / Публ. Е. Е. Дмитриевой-Майминой // Евгений Александрович Маймин и его время: Материалы Междунар. науч. конф. «VIII Майминские чтения». 22–24 октября 2015 г. Псков, 2017. С. 7.

Ниже представлены материалы, связанные с экспедицией 1948 года. В Приложении 1 публикуется дневник Л. А. Дмитриева по рукописи, хранящейся в личном архиве Н. Л. Дмитриевой. Приложение 2 — Полевой дневник экспедиции (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 60–68 об.). В Приложении 3 воспроизведен Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года. Книги перечислены в том же порядке и под теми же номерами, что и в описи Л. А. Дмитриева (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 47–59). В охранной петрозаводской описи всего собрания эти книги указаны в той же последовательности под номерами 356–369 (НА КарНЦ РАН. Разр. 1. Оп. 1. Л. 17–18). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и опiski исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Дневник Л. А. Дмитриева

14.VII.48.

Как и всегда бывает на новом месте и после многих впечатлений, трудно написать что-либо путное и написать много и как следует.

Приехали сегодня в 11 часов в Петрозаводск. Доехали ничего. Пришлось нам почти всю ночь ухитриться с Женей заснуть вдвоем на одной боковой нижней полке, но как ни старались мы этого сделать, ничего не получалось, так наполовину промучились, наполовину продремали до 6 часов утра. Часов в 5 встали, умылись, закусили, а в 6 часов в Лодейном Поле вышло много народа, и освободились третьи полки, так что мы смогли забраться на них, и под одной шинелью после наших мучений на боковой полке это уже нам показалось блаженством — как значит все относительно!

Когда подъезжали к Петрозаводску, разговорились в поезде с женщиной, которая оказалась из Заонежья. Она нам кое-что порассказала о том, куда мы едем — по всей видимости, сейчас мы там уже ничего не найдем — после войны там все разрушили и из старых жителей никого почти не осталось. Сама она оказалась племянницей последнего представителя знаменитых былинников Рябининых — Рябинина-Андреева,¹ который сейчас живет в Петрозаводске. Выгрузились мы со своими мешками на вокзал и сразу же пошли к автобусу. На автобусе доехали до площади Кирова, где нам нужно было пересест на другой автобус, чтобы ехать к Академии. Еле-еле нам удалось толком добиться, где ждать автобуса. Когда мы его прождали уже около получаса, оказалось, что по этому маршруту автобус пойдет только через час. Расспросили, как идти пешком, нам сказали, что придется пройти километра два; оказался человек, который шел тоже в ту сторону и который любезно согласился проводить нас. Если бы не моя спина (вот не повезло!), все было бы ничего, но тут пришлось довольно тяжело тащиться с мешком, хотя, к счастью, эти два километра оказались очень маленькими.

15.VII.48.

Конечно, дописать не успел, и теперь уже многое выпущено и забыто.

Когда мы проходили с нашим провожатым через садик около городского музея, в котором стоит памятник Петру,² то я, зная об этом памятнике, но боясь ошибиться, спросил у нашего проводника — чей это памятник? Помолчал несколько секунд, он, не моргнув глазом, ответил — Екатерины! Мы едва не прыснули. Екатерина в брюках и со шпагой на боку! Здание Академии нам

понравилось, очень чистенькое, аккуратное, и я бы сказал, самое красивое, т. е. на фоне всех прилежащих домов.

Сдали в раздевалке все наши шмутки, зашли в буфет выпить по стакану чая, и сразу же к Чистову.³ Он принял нас очень мило и любезно, немного поговорили в общих чертах о поездке, я передал ему письмо от Анатолия Васильевича⁴ к Гардину,⁵ которое Чистов сразу же и отнес ему.

После этого мы вскоре ушли искать нашу гостиницу, где для нас было уже забронировано место. С некоторым трудом, но все-таки благополучно нашли ее. Нам дали по кровати в общей комнате на 5 чел<овек>, но очень чистенько и уютно, окна выходят прямо на Онежское озеро. Мы сразу же легли отдыхать и благополучно проспали до вечера. Вечером закусили и пошли бродить по городу. Прошлись по улице Ленина, которая идет круто вниз, спускаясь к озеру. Улица очень хорошая, много новых каменных домов, да и деревянные дома неплохие, зеленая, большая часть улицы асфальтирована. На озере вечером вид чудесный, с удовольствием постояли на берегу, подышали свежим хорошим воздухом и пошли бродить дальше. Зашли в какой-то небольшой сад — чисто, тихо, народу нет совершенно. Потом забрались на кладбище, хорошенькая церковь, кладбище в довольно порядочном состоянии. Вернулись уже поздно вечером, но около 11 часов было еще совсем светло, и я записал свои первые страницы сюда.

Сегодня с утра пошли в Академию. Тут оказалось уже все готово. Чистов представил нас Гардину, и этот последний принял нас очень вежливо и хорошо — без сомнения, тут имело значение письмо Анатолия Васильевича. Поговорили с ним о экспедиции, о нашем впечатлении от Петрозаводска. После этого начали оформлять свои документы. Все это было очень быстро, просто легко — совершенно ничего общего с нашей ленинградской волокитой. Бухгалтерша просто очаровала нас — ничего бухгалтерского — веселая, приветливая — черты характера в бухгалтере совершенно необычайные. Денег получили 1800 рублей — 1000 на рукописи, а 800 на наши нужды. Из Акад<емии> сходили вместе с Чистовым на почту, оттуда пошли на пристань и узнали о пароходе, после этого пошли в буфет, и Чистов угостил нас пивом. После этого мы на обратном пути в свою гостиницу зашли в столовую при педагогическом техникуме. Очень недорого, но неплохо пообедали, малость отдохнули и после этого пошли опять по городу. Зашли в Парк культуры и отдыха — сад ничего, послушали духовой оркестр, и я написал открытку Тане.⁶ Вечером в гостинице написал письмо Анатолию Васильевичу и поговорил по телефону с домом и Игорем Петровичем Лапицким.⁷

16.VII.48 г.

С утра сегодня собрались и двинулись на пристань, достали билеты до Великой Губы. Я заходил к Гардину, он позвонил местному начальнику по культурно-просветительным учреждениям КФСР. После этого я побежал к этому человеку, а Женя остался ждать карту. У Власова (это к кому я ходил) пришлось ждать, т<ак> к<ак> он был занят, но потом он быстро написал мне письмо к районным властям. От него я побежал обратно в Академию, но Ж<еню> там уже не застал, побежал в столовую, но там его тоже не оказалось, тогда решил пообедать один. Наскоро перекусил и — на пристань. Встретились уже там.

На пароходе смотрели на грузчиков, которые грузили пароход — все пьяны настолько, что еле-еле держатся на ногах, т<ак> ч<то> приходилось удивляться, как они могут при этом таскать на себе еще груз.

Но вот прозвонили все звонки, прогудели гудки, и наш «Володарский» тронулся. Мы ехали во 2-м классе, но почти все время сидели на верхней палубе, на носу.

Дорога чудесная — озеро очень красивое — берега, покрытые лесом, мелкие островки, когда подъезжаешь к пристани, но прежде всего над лесом на фоне неба вырисовывается силуэт церкви.

Когда подъезжали к Кижам, то уже далеко-далеко от Кижей появился многоглавый Кижецкий собор. Он стоит прямо против пристани на пригорке, так что с парохода его видно весь как на ладони. Тут в сущности две церкви — одна большая, а другая маленькая.⁸ Большая, как нам объяснил старик, с которым мы сидели рядом на палубе, — холодная, а маленькая — теплая. Рядом с большой — колокольня с остроконечной крышей. Вся церковь из дерева. Она настолько выветрена временем, что в сущности красок уже никаких не сохранилось, и все серого цвета, только чувствуется слегка старая окраска куполов. Тем более она была такая серая, что подъехали мы к ней уже вечером, но это делает ее еще более привлекательной и интересной: чувствуется древность и века, и только удивляешься, как она могла простоять столько времени и сохраниться.

Перед Кижамы я заметил на палубе очень интересного старика:⁹ с небольшой седой бородой, в шляпе такой формы, какую я видел только однажды на одной из фотографий фольклорной хрестоматии. Мы стали с ним разговаривать. Сначала спросили про собор, потом начали говорить, за чем мы едем, и так и проговорили с ним всю дорогу до Великой Губы. Старик этот нам назвал имена двух стариков, кот<орых> он знает: одного из Космозера, а другого из Якорь-Ледины,¹⁰ старообрядцев, у которых, как он нас уверял, есть старинные книги. Мы решили из Вел<икой> Губы ехать сразу же к ним. Старик этот мне очень понравился, и я жалел только об одном, что было уж очень поздно и нельзя было его сфотографировать.

Когда он обращался к кому-нибудь из нас, то говорил: «Вот, братец ты мой», а когда говорил о чем-нибудь страшном и опасном, то приговаривал: «Упаси господь!» Онежское озеро он наз<ывал> «Онего». Очень интересное у него произношение слов, я даже не мог уловить в них никакой резкой особенности, но вместе с тем он произносил слово не совсем так, как мы говорим. Он как-то очень мягко «цокает» и «гокает», но так незаметно и неуловимо, что чувствуешь это только, если прислушиваешься к его разговору очень внимательно. Он произносит «ч» как слегка озвонченное палатальное «т». Рассказывал нам он о том, как он в старые времена ездил от самого Белого моря до Ленинграда на лошадях. Приятно и интересно было разговаривать с ним и слушать его.

Около 11 часов вечера подъехали к Великой Губе. Вышли и пошли, вот уж в буквальном смысле, «куда глаза глядят» и куда вела нас дорога. Спросили встречного, где здесь райсовет (Великая Губа — районный центр Заонежского р<айона>), и пошли туда. Там был дежурный, который нас провел в комнату для приезжающих. Там были кровати с простынями, одеялами и подушками. Выспались очень хорошо.

17.VII.48 г.

Проснулись сегодня в 8 часов утра, но валялись в кроватях, и вставать еще не хотелось. В это время в окно постучала женщина, предлагая молока, мы взяли 2 литра, и наш завтрак состоял из молока и хлеба. После этого пошли в райсовет к Нефедкину с петрозаводским письмом (Нефедкин — здешний начальник культурно-просветительных учреждений). Он, конечно, ничего о возможных «залежах» рукописей в своем районе ничего <так!> не знает.

Пытался сегодня дозвониться до Чистова, чтобы попросить прислать сюда карту, но ничего не вышло — дозвониться не удалось, а без карты быть здесь очень трудно.

Сегодня сидим и ждем возможности уехать отсюда в Космозеро — утром машину прозевали. Сидим сейчас в библиотеке местной и ждем «у моря погоды».

К вечеру мы в Космозере. Доехали сюда на машине. Нефедкин провожал нас и определил избу, где переночевать. Сидим сейчас в избе, как дураки. Мы молчим, и хозяйка молчит, и никак с ней не заговорить — то ли она слишком сумрачная, то ли напуганная, то ли страшно злится на то, что ей всучили нас.

Ходили сейчас к Ивану Михеичу Абрамову.¹¹ Старик 80 лет, уже слепой, жена его тоже слепая старуха.¹²

Первый наш поход оказался все же довольно удачным: купили мы у него одну книгу — «Скитские покаяния»,¹³ рукописная, уставом, но устав поздний. Из остальных книг более или менее интересной оказалась одна — «Сказание о Иерусалиме» печатная в 1771 г. Но много книг, как он говорит, лежит у него в амбаре, но он не решается и просто не может сейчас из-за своей слепоты достать их, говорит, что сможет это сделать только тогда, когда вернется его внук из армии.¹⁴ Говорит, что у него там есть и религиозные и не религиозные книги, и рукописные, и печатные.

Говорит он, что многое у него взяли финны.¹⁵ Этот старик сам умел писать уставом и был писцом икон и переплетчиком. У него бывал Срезневский¹⁶ и приглашал его даже в Петербург. Бывали у него и из Петрозаводска и из Москвы.

¹ Рябинин-Андреев Петр Иванович (1905–1953) — сказитель, наследник по прямой линии былинной традиции Трофима Григорьевича Рябинина, крестьянин из заонежской деревни Гарницы; после Великой Отечественной войны жил в Петрозаводске. Племянницей Рябинина-Андреева, с которой участники экспедиции встретились в поезде, могла быть Мария Федоровна Дьякова (дочь родной сестры Рябинина-Андреева Ольги Ивановны), проживавшая после войны в Сенной Губе, или одна из дочерей другой сестры — Пелагеи Ивановны.

² Памятник Петру I в Петрозаводске (скульптор И. Н. Шредер) был открыт 30 июня 1873 года в честь 200-летия со дня рождения императора. Первоначально был установлен на Круглой площади (ныне пл. Ленина); в 1940–1978 годах находился в сквере рядом с краеведческим музеем, располагавшимся в здании закрытого собора Александра Невского; в 1978-м перенесен на набережную Онежского озера.

³ Чистов Кирилл Васильевич (1919–2007) — доктор исторических наук, чл.-корр. АН СССР (1981), фольклорист; в 1947–1961 годах работал в Петрозаводске, возглавлял сектор литературы в академическом институте, читал лекции в Петрозаводском университете.

⁴ Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — доктор исторических наук, профессор, в конце 1940-х годов работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР и преподавал на историческом факультете Ленинградского университета.

⁵ Гардин Ефим Семенович (1913–1994) — кандидат исторических наук, в 1946–1957 годах работал в петрозаводском академическом институте, заведовал сектором истории, в 1948–1950 годах являлся заместителем директора.

⁶ Сестра Л. А. Дмитриева Татьяна Александровна Дмитриева.

⁷ Лапицкий Игорь Петрович (1920–1998) — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Ленинградского государственного университета, преподавал в 1948–1957 годах, исследователь древнерусской литературы.

⁸ Кижский погост на о. Кижь: церковь Преображения Господня (1714), церковь Покрова Богородицы (1764) и колокольня (1874).

⁹ Как сообщается в другом дневнике, это был Петр Григорьевич Горшков (см. ниже, с. 81, прим. 2 к Приложению 2).

¹⁰ Официальное название в списке населенных мест Карелии — Якорь-Лядина (или Якорь-лядина). «Лядина» в севернорусских говорах — участок в лесу, расчищенный под посев.

¹¹ Абрамов Иван Михеевич (1869–1949) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, живописец, резчик по дереву, книжник, занимавшийся перепиской рукописей.

¹² Жена И. М. Абрамова — Анастасия Александровна Куницына, известная в Заонежье вышивальщица.

¹³ Правильно — «Скитское покаяние», см.: с. 83, Приложение 3, № 8.

¹⁴ Внук И. М. Абрамова — Василий Петрович Абрамов (1925–2007); ему по наследству достался родовый дом Абрамовых в Космозере, перевезенный в 1961 году в Великую Губу. Часть сохранившихся в доме предметов В. П. Абрамов передал в фонды Карельского краеведческого музея, в 1966 году эта мемориальная коллекция поступила в музей-заповедник «Кижь» и впо-

следствии пополнялась новыми приобретениями, в том числе книгами (см.: *Харебова Л. С.* Новые биографические материалы о космозерских иконописцах Абрамовых // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 128–133).

¹⁵ В 1943 году, во время финской оккупации Заонежья (ноябрь 1941 — июль 1944), иконы и оборудование иконописной мастерской Абрамовых были приобретены финнами и вывезены в Финляндию. Современное местонахождение этих предметов не известно (см.: *Набокова И. И.* Коллекция космозерских иконописцев Абрамовых в собрании музея-заповедника «Кижский» // *Искусство Евразии* [Электронный журнал]. 2022. № 2 (25). С. 112–123).

¹⁶ Срезневский Всеволод Измаилович (1867–1936) — археограф, чл.-корр. по Отделению русского языка и словесности Академии наук, хранитель Отдела рукописей в Библиотеке Академии наук. В 1902–1905 годах собирал рукописи в Олонецкой губернии, в том числе в Заонежье; деревню Космозеро он посетил в 1903 году.

2. Полевой дневник экспедиции

Дневник археографической экспедиции в Заонежский район летом 1948 г. (16.VII–1.VIII.1948 г.) в составе студентов филологического фак<ультета>та ЛГОЛУ¹ Дмитриева Л. А. и Маймина Е. А.

16 июля

Выехали из Петрозаводска. Пароход. Необычной красоты залив. Зеленеющие вдаль скаты хвойных лесов. Озеро спокойно-волнистое, и только под кормой сердито разлетаются хрустально-серебристые брызги.

На палубе старик, местный старожил. На нем черная катаная шапочка, которую в старину носили только холостые, потрепанный кафтан; его патриархальный вид внушает нам скромные надежды. Мы знакомимся. Зовут его Горшков Петр Григорьев.² Он весьма словоохотлив, и когда мы подъезжаем к Кижам, рассказывает нам, как давно построена тамошняя церковь, с большой точностью исчисляет количество глав и в заключение не без гордости заявляет:

— В России этаких церквей только три и имеется.

Мы слушаем его как оракула; один из нас скидывает с себя шинель и заботливо укутывает старика, другой — достает из мешка пачку чая и угощает:

— Возьмите, папаша! У вас здесь, кажется, любят.

Он очень признателен. Узнав, куда и зачем мы едем, дает два верных адреса: в Космозеро к Абрамову — слепому, и в деревню Якорь-Ледина к Котову Михайло Федоровичу. У них, уверяет он, непременно найдутся «досюльные книги», и они охотно их продадут.

— Один слепой стал, а другой, братец ты мой, начто ему они!

Потом прибавляет:

— А если чайку!... — и делает выразительный жест рукой.

— Иван Михеич (это Абрамов), тот так на чаю и заквашен!

Здесь приходит нам время пожалеть, что захватили слишком мало чаю — и это в первый, но не в последний раз.

Тем временем на озере крепчает ветер, и один из нас, съезжившись и стуча зубами, предлагает:

— Вы кутайтесь лучше, папаша! Моя шинель теплая, солдатская.

Он твердо уверен, что его жертва нужна науке.

В Великой Губе мы сходим на берег. Прощаемся со стариком, взаимные пожелания — и мы уже в поисках ночлега. Находим райсовет, дежурные девушки радушно предлагают нам устроиться в одной из служебных комнат. Растроганные, мы угощаем их конфетами. Спустя несколько минут входит какой-то начальник, и тогда оказывается, что «здесь спать нельзя». Нас препровождают в местную гостиницу, дом для приезжающих. Это чистенькая комната, в которой правильным порядком расставлены 5 кроватей. Удовольствие

стоит 10 руб<лей>. Поскольку из 5 кроватей нам удастся сделать две и этим обеспечить себе надлежащие удобства, цена нам не кажется слишком высокой. Впрочем, это начало путешествия, и наши финансы кажутся нам несокрушимым форпостом. Спим мы крепким безмятежным сном.

17 июля

Кажется, что в деревне солнце встает особенно рано. Во всяком случае в это великолепное утро именно оно разбудило нас. Потом пришла женщина, хранительница ключей от гостиницы, и принесла нам молока — за деньги. К 9 часам мы отправились представляться. Самым важным для нас человеком был некто Нефедкин, что-то вроде районного министра по делам культуры. Он был очень обязателен и решил сделать все, что было в его силах. На первых порах он познакомил нас со своими сотрудниками. Пока сам Нефедкин хлопотал относительно машины и устраивал всякие формальные, но совершенно необходимые дела, касающиеся нас, мы обнаружили среди его окружения самобытные таланты. По нашему настоянию библиотекарь Ольга Собакина записывает для нас частушки собственного сочинения. Не сразу она соглашается, отговариваясь тем, что частушки не о колхозной работе, а «все больше о любви». Но мы ее уговариваем:

— Что ж, ведь и любовь тоже в жизни бывает...

Этот довод оказывает поразительное действие — спустя некоторое время нам вручается 25 частушек «о любви и разных чувствах». Мы удовлетворены. В заключение таланты фотографируются.

Менее удачно обстоит дело с книгами. В селе их нет; расспросы населения только подтверждают те сведения, которые мы уже имеем. Решаем сделать маленькую вылазку, обследуем деревню Верховье в 5 км. от В<еликой> Губы, после чего возвращаемся обратно. В 6 часов на машине отправляемся в Космоозеро. Нас сопровождает Нефедкин. Он доставляет нас на место, устраивает на ночлег, затем, простившись и пожелав успеха, отправляется по своим делам. Мы идем в указанный нам дом. Там складываем свои вещи и тотчас же спешим сделать визит Абрамову. Заранее трепещем. Однако, как оказалось, напрасно.

Абрамов Иван Михеевич очень приветлив. Это слепой старик, 80 лет, еще довольно бодрый, живет со старухой-женой, тоже ослепшей, и дальней родственницей. Нашему приходу не удивлен. Он многое видел на своем веку, к нему приезжал сам Срезневский, а из менее знаменитых Каликин,³ Морозов,⁴ Агапов.⁵ Говорит языком, близким к литературному. Оптимист. Напротив, жена его — ярко выраженный тип скептика. На жену покрикивает:

— Ты говори божественное, а дурацких примеров мне не ставь!

Отец Ивана Михеича был известным в Заонежье иконописцем и мастером на все руки, умел писать уставом.⁶ Сын пошел по его стопам, сначала помогал ему, а потом работал и самостоятельно, также владел уставным письмом. Теперь вот ослеп, но любовь к книгам сохранил до сих пор. На предложение сфотографироваться отвечает:

— Дедушка со всех боков уже фотографировался.

Однако не возражает, если и лишний раз... Несмотря на протест жены, продает 1 книгу. Остальные из тех, что показывает, нам не подходят. Говорит, что имеет много книг в чулане, но ждет внука: тот придет, тогда распорядится. Сам он не в состоянии, а доверять чужим боится, его и так недавно обокрали.

— Я вот лучше внука, внука-то дождусь...

Мы обещаем зайти завтра поутру и прощаемся, выходим с чувством удачливых золотоискателей. Книжка нам кажется кладом неоцененным, а вся экспедиция представляется в самом розовом свете.

18 июля

Озеро однолико, спокойно-подвижно, одни только голубые краски — и глубина вод, недоступная глазу.

Еще раз у Абрамова. Фотографируем его во всех возможных положениях, угощаем чаем и сахаром. Он принимает как должное, дает нам несколько адресов и обещает написать, когда вернется внук.

От Абрамова — к председателю сельсовета. Т<ак> к<ак> он проживает в другой деревне, по пути к нему нам удается обследовать Демидово и Артово — небольшие деревушки. Председателя сельсовета нет дома. Решаем не дожидаться и в 2 ч<аса> дня направляемся в дер. Пурьино.⁷ Не доходя ее, задерживаемся в Терехово — безрезультатно. В Пурьино нас принимает патриархальная семья: очень бодрый старик 80 лет, добрая широколицая старуха с круглыми, но несколько суженными к краю глазами, сын с рыжей бородкой в черном пиджаке — характерный тип русского крестьянина. Некоторая замкнутость и гостеприимство. У хозяина обнаруживаем книги и 3 из них покупаем.⁸

До самого вечера бродим по деревне, отыскивая и не находя. Расспросы жителей чаще всего наводят на ложные пути. Мы понемногу убеждаемся, что самые верные сведения дают старики, сами причастные к книжному делу.

Вечером обнаруживаем пропажу 140 руб<лей>. Кто-то, очевидно из посторонних детишек, задумал «полегчить» нам и проявил при этом своеобразное чувство справедливости, поскольку с таким же успехом он мог украсть и значительно больше. В наши чистые мысли о науке и исканиях врывается призрак «презренного металла».

19 июля

Угощают калитками и чаем. Чай превосходен. Вспоминаем цитату из солидной книги старинного автора: «Русские очень выносливы, имеют большую территорию и употребляют обильное количество чаю».

В поиски отправляемся по одному. Обследуем космозерскую церковь, еще раз дер. Косозеро и Терехово, дер. Мягкая Сельга, Комлево и некоторые другие.

В Косозеро председатель сельсовета, удачно застигнутый в своем кабинете, очень любезен. Обещает поискать «досюльщины» у своей матери, однако после долгих поисков приходит со словами сожаления: были, мол, но сожжены — во время финской оккупации, обысков боялись, — а были, даже письма Ивана Грозного были... И участник экспедиции с горечью думает: зачем не был он, когда сжигались эти неопценимые письма, зачем не мог он броситься в огонь с риском для собственной⁹ жизни во имя святых преданий, во имя науки... И еще он думает: почему экспедиция организована так поздно...

Ближе к вечеру знакомимся с местными типами. Много интересного.

20 июля

Великая Нива. Очень удачно расквартировались. Небольшая семья: бабушка и два внука. Скромная приветливость и радушие. Говорят очень своеобразно: женщины нараспев, мужчины с той особой, не лишённой добродушия изысканностью, которая свойственна только истинно русским людям — слушаем и восхищены.

Днем в поисках, преимущественно в самом селе. Вечером паломничество в Якорь-Ледину к начетчику и старообрядцу Котову Михайло Федоровичу. Долго говорил с нами, не приглашал в дом. Потом сжалился, понял, зачем пришли, но все хитрил. Хитрил с нами, с богом, со своей совестью.

— Сии книги неопценные! Что деньги, ой, хой-хой!

И торгуется: долго, со знанием дела торгуется.

— Может быть, накинете десятичку?

Вытаскивал книги по одной, над каждой без конца умилялся и заодно делал нам экзамен: достойны ли мы сего божественного? Едва ли остался совершенно удовлетворен, но 2 книги все-таки продал.¹⁰ Это стоило нам значительной доли терпения и не менее значительной доли чисто вещественных запасов. После совершения купли не задерживал нас: стоял высокий, бледновато-тусклый, с круглыми запавшими глазами — тартюфствующий старик 83 лет отроду, лицемер и фанатик, исполненный глубокой веры и странно¹¹ противоречивый.

21 июля

Один из нас заболел. Зато другой проявил максимум деятельности, ходил в дер. Пороги, Крохино, Палтега. В Крохино некогда жил «интересный мужик» по имени Корцов. О нем рассказывал пастух, встретившийся по дороге. На пастухе шляпа, подобная той, которую видели на старике с парохода. Пастух рассказывает о Корцове:

— В Петрограде вместе с ним работал, паркетчиком. Богатый был мужик, любил старинные вещи собирать.

Однако книги... У Корцова осталась жена, и она отыскивается с чувством «трепетной надежды». Но: «оккупация», «были выселены», «теперь все нарушено» — и в результате наш фонд остается неизменным.

22 июля

С утра по разным направлениям. Один обследует в р<айо>не В<еликой> Нивы близлежащие деревни — без видимого успеха. Другой предпринимает большой поход в Фоймогубинский сельсовет. Поход трудный, но удачный. По пути заходит в деревню Шильтья¹² и несколько очень мелких деревушек. В самой Фойма-губе ничего нет. В следующей деревне, Спировке, предпринимается систематический обход всех домов подряд. У крестьянки Малышевой Марьи Яковлевны отыскиваются дедовы книги, однако интересного мало. Все же одну, Псалтирь,¹³ писанную поздним уставом, — покупает. Из Спировки в обход Фойма-губы и на другой берег — огромный крюк. В деревне Патрово находится председатель сельсовета, очень толковый, многое знает и понимает, а главное — знает хорошо своих крестьян, дает несколько адресов. И в первом же доме — удача. У Панфиловой приобретает интересный рукописный сборник.¹⁴ По другому адресу, у местного фельдшера Котомкина, хранится много книг, но они принадлежат владельцу дома, местному священнику, который в настоящее время отсутствует, а без его ведома ни показывать, ни тем более продавать книги фельдшер не решается. По третьему адресу приходится сидеть до вечера в ожидании хозяев, но результатов никаких.

Из рассказов становится известным, что в деревне жил некто Федоров Петр Григорьевич, известный в свое время иконописец (теперь в живых осталась его дочь Настасья Петровна), работал в Петрозаводске и Заонежье, умер в 1912 г. Жил также сказочник Кузьмин Степан Петрович, партизан гражданской войны — ныне находится в Сортавале. Мать председателя сельсовета Силкина Александра Федоровна из дер. Патрово была известная в этом районе причитальщица,¹⁵ в 1908—<19>10 гг. ее записывала местная учительница Богоявленская.¹⁶

23 июля

Севрозеро, Мироньково, Бесово — ничего не обнаружено. Вечером снова у Котова. Из полученных за книги 2 дня назад 100 рублей 10 потерял, унывает весьма. И только потому, что потерял, готов продать еще 2 книги, разуме-

ется, не за 10 рублей. На этот раз причитал значительно меньше, позволил даже сфотографировать себя — в первый раз в жизни. В «книгохранилище» свое, однако, не пустил.

Ночью долгий и тяжелый бой с клопами, который закончился нашим позорным отступлением.

24 июля

Днем приехали в Толвуй. Остановились в ближнем селе, на самом берегу залива. Очень живописно. Бродили вокруг, деревень здесь много, но ничего не нашли.

В помещении сельсовета вели занимательный и поучительный разговор о чертях и привидениях, после чего один из его участников долго доказывал нам, что книги, которые мы собираем, следует непременно сжигать, поскольку они «не отвечают политике».

25 июля

Ходили по одному, обследовали район Падмозера, деревни Падмозеро, Загорье, Белохино, Толстиковское, Пикалевское. В дер. Падмозеро у невестки умершего старообрядца Гайдиной Прасковьи Алексеевны¹⁷ много книг, все в прекрасном состоянии, но интересных мало: слишком поздние, притом печатные. Куплены 2 книги.¹⁸

В Пустошах — «правильная старушка», живая и набожная, но для нас и нашего дела бесполезная. Старая часовня по почтовому тракту — исключительно служебные книги. И безрезультатные поиски в дер. Русино.

26 июля

Наши запасы катастрофически уменьшаются. Добрые люди помогают нам в этом, но из скромности они желают остаться в неизвестности. Предельно сокращаем свой прожиточный минимум.

В Толвуйе куплена книга — зачем? Впервые не только не удовлетворены покупкой, но и осталось что-то вроде чувства сомнения. До самого позднего вечера все ходим, ходим и ищем.

27 июля

С утра по деревням. Говорят, что все книги «нарушены» во время оккупации. Удалось только достать старое Евангелие,¹⁹ писанное уставом. В некоторых домах нас совершенно очевидно боятся. Разъяснительная работа не всегда приводит к желаемым результатам. Порой приходится слышать:

— Нету, родименький, нету. Я и грамоте-то не обучена. Откуда у меня книги?

А когда уходишь, делаютя особенно признательны:

— Спасибо, спасибо, миленький!

И едва ли сами ведают, за что благодарят. К счастью, такие приемы не составляют правила.

28 июля

Ночь в пути. Тихо, безветренно, хорошо. Местный продовольственный начальник, который в продолжении всего дня «закладывал» и ругал жену обидными словами, а к ночи необычайно раздобрел, изволил «шутки строить» и весьма интимно и добродушно похлопывал по коленке свою краснощекую и толстую подчиненную.

В 9 часов утра вступили в здание Кузарандского сельсовета. Председатель его, ласковая женщина в очках, очаровала нас своей нескончаемой болтовней, дала нам адрес в Петрозаводске сказительницы Елисейевой, обещала сама ходить с нами повсюду и регулярно обеспечивать нас молоком из собственного хозяйства. Милая женщина!

Хозяева, к которым мы попали, — чистенькие, зажиточные, скупые. Самое гостеприимное в их доме — тулуп, которым мы укрываемся. Поистине, да будет он благословен, ибо за окном шумит ветер и холодно!

Вторую половину дня мы по обыкновению проводим в розысках. В дер. Вицино на поле отыскиваем Чуркину Лизавету Павловну. У ее сестры, скрытницы,²⁰ были книги, но остались лишь печатные Четгы-минеи. Расспрашиваем о ее родственнике, о котором слыхали еще прежде. Старообрядец, живет в Беломорском районе, в дер. Тюкция,²¹ пишет уставом. Чуркина о нем только и знает, что зовут его Василий. Всю жизнь проводит в постоянных молитвах, способен с утра до вечера и всю ночь²² писать книги, не обращая внимания ни на что окружающее. А когда спросят, кто он, как его зовут, ответит: «Раб божий». Его имя сделалось почти легендарным даже среди его ближайших родственников.

29 июля

Сегодня устроили первый выходной день. Приводим в порядок всю документацию. Несколько ребятшек принесли старые учебники и новенькое Евангелие 42 года издания — результат нашей научно-разъяснительной пропаганды. Когда мы вежливо отказались от книг, они были искренно огорчены. Один, кажется, сделал специально для нас не менее 5 километров.

30 июля

Обошли по меньшей мере 7–8 деревень. В Загорье записали стихи Якушева Иван <a> Антипова.²³ Это полуслепой старик, талантливый, 62 года. Стихи стал писать недавно. На 21 году жизни «свет потерял из глаз — все плакал, плакал, не до стихов было». А теперь он сторожем в колхозе, и вот «стоишь так иногда на часах — я дежурству нес — мечтаешь, оно и придет разом!» Стихи свои считает плохими, но все «так, как оно было». Когда дали ему денег, был очень тронут.

— Чем же я теперь отблагодарю вас?!

Возвратились домой лишь поздно вечером. Встретились с председателем сельсовета. Она стала необычайно солидной, говорит едва-едва, а о молоке и не вспоминает. Зато хозяева с каждым часом становятся все добрее и добрее.

31 июля

Небольшой поход, а все остальное время приводим в порядок записи. Когда надоело писать, помогали хозяевам молотить зерно, точить косы. Старики очень снисходительны и позволяют нам «побаловаться». Наши отношения все улучшаются. От первого впечатления не осталось и следа. Мы совершенно убеждены, что и в нашем специальном деле, чтобы оно шло успешнее, требуется, главным образом, время. Надобно завоевать доверие, а это в каждом отдельном случае достигается наилучшим образом не за несколько часов и даже не за день — в этом наше несчастье.

Вечером превосходная баня. А спустя пару часов уже на пристани. Холодный пронизывающий ветер. И до 5 часов утра на холоду, без сна. Это уже из области романтики.

1 августа

Пароход. Мимо Кижей. На пристани слезли, 2 раза сфотографировали церковь, по возможности все узнали. Решили не оставаться: кажется, не имеет смысла. В 3 часа дня в Петрозаводске.

¹ ЛГОЛУ — Ленинградский государственный ордена Ленина университет.

² Горшков Петр Григорьевич (1875–1949) — крестьянин из деревни Демидово Космозерской волости, исполнитель сказок, духовных стихов, былин и «новин», которые были записаны от него фольклористами в 1920–1940-е годы; часть этих записей опубликована (см.: Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Изд. подг. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. С. 85–89).

³ Исправлено, в рукописи «Калитин». Каликин Федор Антонович (1876–1971) — старообрядец, собиратель древнерусских и старообрядческих рукописей, иконописец, реставратор икон. В 1910–1920-е годы совершил серию поездок по Северу с целью приобретения рукописей, икон, произведений прикладного искусства; посещал он и Космозеро (известны сделанные им в 1920 году фотографии космозерских храмов).

⁴ Морозов Федор Михайлович (1883–1962) — искусствовед, коллекционер, специалист музейного дела. С И. М. Абрамовым он встречался во время Заонежской экспедиции 1926 года, организованной Секцией изучения крестьянского искусства Государственного института истории искусств, фотографировал иконописца в мастерской за работой. Вероятно, Абрамова Морозов навещал и позднее, в 1927–1928 годах, когда занимался фотофиксацией памятников архитектуры в Заонежье по заданию комиссии по охране памятников Наркомпроса Карельской АССР. Некоторые поездки по Северу Морозов совершил совместно с Каликиным.

⁵ Агапов Василий Михайлович (1898–1984) — искусствовед, художник; в 1930-е — начале 1940-х годов работал в Карельском научно-исследовательском институте культуры, изучал прикладное искусство Карелии. С И. М. Абрамовым и его женой А. А. Куницыной встречался, скорее всего, в 1946 году, когда изучал в Заонежье местную вышивку.

⁶ Абрамов Михай Иванович (1830–1912) — крестьянин из деревни Космозеро, иконописец, ученик одного из последних иконописцев старообрядческого Выговского общежития — Ивана Аверкиева. В доме Абрамовых в Космозеро была устроена иконописная мастерская (см.: Петтерссон Л. Иконописная мастерская в Заонежье // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1993. М., 1994. С. 264–275).

⁷ Официальное название в списке населенных мест Карелии — Пургино.

⁸ В деревне Пургино (Пурьино) у Ефима Максимовича Власова были приобретены две рукописи и одна печатная книга (см.: Приложение 3. № 5, 10, 11). Имя этого владельца книг, не названное в дневнике, указано в подписях к фотографиям.

⁹ Слово «собственной» дописано над строкой.

¹⁰ Всего у М. Ф. Котова в этот день, а потом 23 июля были приобретены три рукописи и одна печатная книга (см.: Приложение 3. № 1, 3, 9, 12).

¹¹ Исправлено, в рукописи «странной».

¹² Официальное название в списке населенных мест Карелии — Шильтя.

¹³ См.: Приложение 3. № 7.

¹⁴ См.: Приложение 3. № 4.

¹⁵ Александра Федоровна Силкина, 1865 г. р., д. Погост Фоймогубского сельсовета, имела четырех детей, в живых остались двое. В 1948 году ей было 83 года, к этому времени она ослепла. В молодые годы знала много причитаний, водила свадьбы, была одной из лучших воплениц округи. В 1944 году два плача от нее записала фольклорист А. П. Разумова (см.: Исполнители фольклорных произведений. С. 229, № 249). В дневнике упоминаются ее дети: Николай Яковлевич Силкин (председатель сельсовета) и Мария Яковлевна Малышева (Силкина; работала бригадиром в колхозе), от которой была получена рукописная Псалтырь (см.: Приложение 3. № 7). В 1940-е годы А. Ф. Силкина жила у дочери. Н. Я. Силкин и М. Я. Малышева также были носителями фольклорной традиции. От первого записаны сказки в 1926 году (Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подг. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. С. 350), а от его сестры — в 1932 году (сказка «Как поп с попадьей боролись» опубл.: Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986. С. 171–172, 235 (ошибочно названа Марфой)).

¹⁶ В Фоймогубской церковно-приходской школе в начале XX века преподавала учительница Мария Богоявленская (см.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. Петрозаводск, 1904. С. 132), но сведений о ее собирательской деятельности найти не удалось.

¹⁷ Свекром П. А. Гайдиной (в девичестве Беззубиковой) и, вероятно, владельцем книг был Алексей Семенович Гайдин, крестьянин из деревни Падмозеро (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 22. Д. 579. Л. 45 об. (Метрическая книга 1911 года)).

¹⁸ См.: Приложение 3. № 6. Вторая книга — № 13 или № 14.

¹⁹ См.: Приложение 3. № 2.

²⁰ Скрытники (странники) — беспоповское старообрядческое согласие, отделившееся от старообрядцев-филипповцев в 60-е годы XVIII века.

²¹ В отчете Дмитриева и Маймина об экспедиции 1948 года эта деревня упомянута под другим названием — Нюнция; обнаружить ее среди поселений Беломорского района не удалось. Возможно, имеется в виду Нюлча.

²² Слова «и всю ночь» дописаны над строкой.

²³ Дополнительные сведения содержатся в статье Дмитриева: в 1948 году И. А. Якушеву было 62 года, он показал участникам экспедиции свои произведения: «...это оригинальные небольшие стихотворные повествования на местные темы (письмо к сыну, рассказ о своей работе колхозным сторожем и т. п.)» (*Дмитриев Л. А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. С. 337*). Фрагмент одного стихотворения приведен в фотоальбоме Дмитриева в подписи к фотографии Якушева: «Я колхозник, хоть и старый / На работу все ж хожу. / Наряд колхозный выполняю — / Колхозным сторожем служу» (ИРЛИ. Карельское собр. № 606; перечень фотографий, л. 2).

3. Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года

І. Рукописи

1. Евангелие от Матфея толковое, XVII век, 4°, полуустав, 322 л. Переплет: доски в коже с тиснением, две застёжки.

Записи: «Сия же богодухновенна книга Матфей евангелистъ толковой написанна труды и тщанием многогрѣшного и непотребнаго в чловѣцех нарицаемаго именемъ Деонисия <...>. А писана сия книга Матфей евангелистъ толковой в Павловѣ монастырѣ в опале государевѣ будучи»¹ (л. 319–319 об.). На л. 1 и 4 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 356».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у старообрядца М. Ф. Котова за 50 рублей.

Карельское собр. № 239.

2. Евангелие-тетр, XVI век, 2°, полуустав, 202 л. Переплет: доски; кожаное покрытие и застёжки утрачены.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 357». На корешке наклейка: «1948/357/238».

Рукопись приобретена в д. Русиновской Толвуйского сельсовета у родственницы старообрядца за 25 рублей.

Карельское собр. № 238.

3. «Небо новое» Иоанникия Галятовского с дополнительными сказаниями об иконах Богородицы, XVIII век, 4°, полуустав, 203 л. Переплет: доски в коже с тиснением, застёжки утрачены.

На л. 2 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 358». На корешке наклейка: «1948/358/145».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 50 рублей.

Карельское собр. № 145.

4. Сборник с Житием Зосимы и Савватия Соловецких и другими статьями, XVIII век, 4°, полуустав нескольких почерков, 408 л. Переплет: доски в коже, фрагменты двух застёжек.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». На нижней крышке переплета наклейка: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 359». На корешке наклейка: «1948/359/40».

Рукопись приобретена у крестьянки Панфиловой в д. Патрово Фоймогубского сельсовета.

Карельское собр. № 40.

5. Сборник богослужебный, XIX век, 4°, поморский полуустан, 66 л. Переплет: картон.

На припереплетных листах штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». Отдельно в конверте наклейка, оторвавшаяся от корешка: «1948/360/330».

Рукопись приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова.

Карельское собр. № 330.

6. Псалтырь, XIX век, 4°, полуустан, 299 л. На л. 36 об. миниатюра с изображением царя Давида. Переплет: доски в коже, застежки утрачены.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/361/228».

Рукопись приобретена в д. Падмозеро у П. А. Гайдиной.

Карельское собр. № 228.

7. Псалтырь, XVIII век, 4°, полуустан, 320 л. Переплет: доски в коже с тиснением, сохранилась одна застежка из двух.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/362/229».

Рукопись приобретена у М. Я. Малышевой («родственницы старообрядца») в д. Спирово Фоймогубского сельсовета.

Карельское собр. № 229.

8. Сборник старообрядческий со «Скитским покаянием», XVIII век, 8°, полуустан разных почерков, 149 л. Переплет: доски в коже с тиснением, фрагменты двух застежек.

На корешке наклейка: «1948/363/322».

Рукопись приобретена в д. Космозеро у И. М. Абрамова за 25 рублей.

Карельское собр. № 322.

9. Требник, XIX век, 8°, полуустан, 195 л. Переплет: доски в коже, две застежки.

На корешке наклейка: «1948/364».

Рукопись приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 20 рублей.

Карельское собр. № 364.

10. Часослов, XVII век, 8°, полуустан, 200 л. Переплет: доски в коже, сохранилась одна застежка из двух.

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР». Наклейка на нижней крышке переплета: «Архив Карело-Финского Филиала АН СССР. Разряд № I. Опись № 1. Ед. хран. № 365». Наклейка на корешке: «1948/365/394».

Рукопись приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова.

Карельское собр. № 394.

II. Печатные книги

11. Апостол. М., 1597. 318 л. (издание Андроника Тимофеева Невежи).² Несколько утраченных листов в разных местах заменено рукописными (поморский полуустан, XVIII век).

В книге имеется несколько записей; наиболее ранняя из них: «Лѣта 7111 (1603) положил сию книгу глаголемую Апостоль в дом святыя живоначальныя Троица Отца и Сына и Святаго Духа <один лист утрачен. — А. П.> бывый архимарить Чюдова монастыря старецъ Христофоръ³ вкладом за своего

племенника да старца Федосья Рушанинаво» (л. 17–22, полуустав). На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР».

Книга приобретена в д. Пургино Космозерского сельсовета у Е. М. Власова за 40 рублей.

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 6.

12. Требник. М.: Печатный двор, 1625. 513 л.⁴ Первые утраченные четыре листа (оглавление) заменены рукописными (полуустав XVII — начала XVIII века).

Записи: «Сия книга Михаловского Гедевского погоста Собор архистратига Михаила да Николы чудотворца да Борисо <так!> и Глеба казенная, а подписал того жъ Михаловского Гедевского погоста Федоръ Алексеевъ»⁵ (припереплетный лист; скоропись XVIII века); «В дом архис<...> Михаилу <...> Елизарьевъ сынъ Карсаковъ по себѣ и по своих родителей, а потписал самъ своею рукою, дал сию книгу» (л. 5–15, скоропись XVII–XVIII веков); «Сия книга глаголемая Требникъ Михалова Гедевскаго погоста церковь архистратига Божия Михаила да Гавриила, да Николы чудотворца, да Бориса и Глеба, а подписал сию книгу Требникъ того ж погоста поповъ сынъ Петр Данилов, 1714 году декабря в 11 день...» (л. 17–46, скоропись); «Сия книга глаголемая Требник Новгороцкаго уезду Обонежской пятины» (л. 377 об.; скоропись XVIII века). На л. 5 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/367».

Книга приобретена в д. Якорь-Лядина у М. Ф. Котова за 50 рублей.

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 13.

13. «Церковный устав на 232 листах, печатанный в Почаевской типографии».

По петрозаводской охранной описи — № 368. В Собрании старопечатных книг (Оп. 36) Древлехранилища имеются две печатные книги, которые подходят под это описание: 1) № 150 — Устав со святцами. Почаев, без года. 232 л.; 2) № 133 — Устав о христианском житии. Почаев, без года. 232 л. Но ни штампа архива Карело-Финского филиала АН СССР, ни архивных наклеек и помет Дмитриева и Маймина в них нет.

14. Василий Великий. Богоугодные труды. СПб., 1787. Кн. 3.⁶

На л. 1 штамп: «Архив К.-Ф. филиала АН СССР», на корешке наклейка: «1948/369».

Собр. старопечатных книг (Оп. 36). № 103.

¹ Полностью запись опубли.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 192.

² См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 18, № 13.

³ Христофор являлся архимандритом Чудова монастыря в Москве в 1579–1587 годах (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 163).

⁴ См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. С. 32, № 56.

⁵ Михайловский Гедевский погост («Гедевичи») находился в Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. при реке Оять.

⁶ См.: Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968. С. 508, № 1441.